

МЕСТО МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ДЕВИАТОЛОГИИ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОШИБОК

THE PLACE OF INTERLANGUAGE DEVIATOLOGY IN GENERAL THEORY OF ERRORS

М. Дебрени (micheledebrenne@fija.nsu.ru)

Новосибирский Государственный Университет

Определяется *девиатология* как направление в когнитологии, объектом которой выступают преднамеренные и случайные отклонения от норм в самых разных отраслях человеческой деятельности. Одним из подразделений девиатологии является *языковая девиатология*, включающая изучение:

1) запланированных отклонений от нормы, таких как авторская неология, языковая игра, стилистические тропы;

2) незапланированных отклонений от нормы оговорки, описки и речевые ошибки.

Данная классификация отклонений охватывает ошибки как в родном языке, так и в иностранном. Речевые ошибки в родном языке, которых теоретически не должно быть - предмет учебников по культуре речи. В иностранном языке они составляют предмет *межъязыковой* девиатологии, где случаев осознанного отклонения от нормы мало.

О необходимости выделить теорию речевых ошибок в специальную область исследования говорится давно [Nickel 1972, Г. В. Ейгер 1990, М. В. Никитин 1962, Ф. Бацевич 2001]. М. В. Никитин предлагал создать в рамках семиотики семиотическую *дефектологию*, которая изучала бы все виды ошибок на всех фазах коммуникативного акта. В психолингвистике *ортологией* называют направление, изучающее психолингвистические факторы, обеспечивающие правильность высказывания, а в *онтолингвистике* - термин (детская) *речевая инновация* описывает «языковой факт, зафиксированный в речи ребенка и отсутствующий в общем употреблении» [Цейтлин 2001 : 329]. В некоторых языках (французский, румынский, польский) «наука об ошибках» (*Fehlerkunde*) Г. Никкеля преобразилась в «*ляпсологию*». К сожалению, этот перевод не совсем точный: ведь слово ляпсус, происходящее от лат. *lapso* 'поскользнуться' и давшее русское слово ляп, означает «оговорка». Таким образом, «ошибкология» Никкеля стала в переводах «оговоркологией». Для обозначения теории ошибок предлагался также термин *эратология* (от лат. *errata* – ошибки). Он употребляется в теории перевода для обозначения теории ошибок и переводческих несоответствий [Перевод, 2004, 2005, Шевнин 2004]. Данный термин также имеет другое значение: эратологией называют «науку» о том, как не повторять чужих ошибок в написании кандидатских и докторских диссертаций [Марьянович А. Т., Князькин И. Т. 2005]. Им также пользуется писатель-фантаст П. Амнуэль для обозначения «теории о научных ошибках».

Таким образом, для теории ошибок нужно название, объединяющее все виды оговорок и ошибок. Им, видимо, должно стать «политкорректное» слово *отклонение* и более общий термин *девиатология* для обозначения науки об отклонениях от нормы – как случайных, так и систематических, вплоть до преднамеренных. В данной статье мы рассмотрим природу ее объекта.

В психологии, особенно в когнитивной психологии, ошибке уделяется большое внимание. Для того чтобы выработать общие принципы описания порождения ошибок, нужно учитывать суть задачи, условия ее реализации, механизмы деятельности человека, его намерения, включая его представления о цели и о средствах их реализации. В фундаментальном исследовании Д. Ризона «Человеческая ошибка» ошибка отделена от неудачного планирования и неудачной реализации. Под ошибкой понимается в общем виде «любая ситуация, при которой некая цепочка ментальных или физических действий не достигает желанной цели и эта неудача не может быть приписана случаю» [Reason 1993: 31]. В своей «модели ошибочной деятельности» автор различает три типа ошибок:

- неудачи, или ляпсусы, происходящие из-за невнимательности, то есть из-за отсутствия контроля (возник отвлекающий момент, прервавший действие, или органы чувств получают нечеткую информацию);

- ошибки, связанные с правилами, возникающие в ходе решения житейских задач в различных случаях: при применении корректно построенного (в принципе) правила, не подходящего, однако, для данного случая;

- ошибки, связанные с декларативными знаниями, также возникающие в ходе решения житейских задач, но происходящие оттого, что информация об условиях решения задач, которой мы располагаем, либо неполная,

либо ошибочная: например, можно выделить не самые главные признаки ситуации, пропуская самые главные, использовать неправильные аналогии и т. п. [Ibid. P. 113].

Для того чтобы уяснить философские аспекты ошибки, полезно рассмотреть различие в значениях слов, обозначающих это понятие. Во французском языке используются слова *faute* и *erreur*. Структуры их значений не тождественны. Существительное *faute* означает, скорее, сознательное отступление от законов или моральных правил и в русском языке ближе по семантике к словам (грехо) падение, грех, проступок, прегрешение. Словом *erreur* обозначают случайные и не настолько серьезные проступки, называемые по-русски дериватами слова грех: погрешность, огрех. В русском же языке ошибка определяется следующим образом: неправильность, погрешность в действиях, суждениях, мыслях, а также неверное написание слова.

В учебном контексте *faute* входит в одно семантическое поле со словами *devoirs* (домашние задания, букв. «обязанности, долг»), *règles* [правила], *bon / mauvais élève* [хороший / плохой ученик], в которых силен морализаторский дух. Ошибка-*faute* апеллирует к оптимистическому видению человеческой природы, потому что ее можно избежать. В ситуации изучения иностранного языка, она появляется тогда, когда цель изучения – не столько коммуникация, сколько формирование личности, и имеет много отрицательных последствий: ученик не отваживается говорить на иностранном языке, молчит или прибегает к обману, боится «плохой отметки» и постоянно контролирует себя. Положительными ее аспектами считаются гордость, которая возникает, когда человек преодолел ошибку, и стимулирование к дальнейшим усилиям. Но она же ущемляет самолюбие если приводит к получению плохой отметки. Преподаватель может снизить отрицательные аспекты ошибки-*faute* с помощью шкалы оценок, давая возможность «исправить» ошибку и стараясь преподавать так, чтобы ошибок вообще не возникало (система «ноль ошибок» с механическими упражнениями)

Ошибка-*erreur* неизбежна в школьных условиях, где сильно влияние родного языка, мало времени уделяется отдельным ученикам, и в рамках современных методик, поощряющих самостоятельность говорящих в ущерб грамматическим упражнениям. Ошибка-*erreur* положительна – лучше ошибиться, чем совсем ничего не отвечать или писать. В учебных условиях она менее страшна, чем в реальной жизни. Несмотря на эти положительные аспекты ошибки-*erreur*, атмосфера страха потерять лицо, страха перед преподавателем, а затем и перед носителем языка сохраняется пока ошибка влияет на оценку. С другой стороны, «либеральный» подход к ошибкам-*erreur* приводит к тому, что студенты порой не стараются их исправлять, поскольку в рамках коммуникативного подхода к обучению самое главное – быть понятым.

В лингводидактике спор о разнице между *faute* и *erreur* может быть разрешен с учетом различий между компетенцией и речепорождением (*competence vs performance*), где *erreur* и *faute* были бы частными случаями общего понятия девиации (отклонения), подобно тому, что предлагается в английском языке: *error* – систематическая ошибка в компетенции, *mistake* – ошибка в исполнении (*performance*) [Corder 1967]. Однако не все французские лингвисты согласны с таким употреблением, поскольку тогда из 'тяжкого греха' оно становится 'ляпсусом', что плохо сочетается с традиционным значением слова *faute*.

В исследованиях российских ученых речевые ошибки описаны в рамках теории речевой деятельности, и в частности в исследованиях механизма производства речи где «речевая ошибка в общем виде характеризуется неадекватностью речевого действия по тем или иным параметрам, обуславливающим это действие» [Леонтьев 1970 : 79] и различают: ошибочное речевое действие; ошибочное программирование речевого действия; ошибочную операцию; ошибку моторного программирования.

Считается, что ошибка от оговорки отличается тем, что говорящий может без подсказки исправить оговорку, тогда как ошибку ему сложнее исправить. Неверно однако полагать, что оговорки или опечатки появляются случайно, бессистемно [Королева 1989:16; Красиков 1980; Ейгер 1990]. Г. В. Ейгер определяет механизм контроля языковой правильности высказывания как «механизм сличения и оценки соответствия значения и / или формы данной единицы структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом» [Там же. С. 10] и прослеживает особенности его работы на этапе внутреннего программирования речевого высказывания и на этапе реализации программы.

Если ошибка – отклонение от нормы, самым простым способом определить норму – сравнить высказывание обучаемого с тем, что носитель языка сказал бы в этой же ситуации. Однако в связи с тем, что владение языком даже его носителями может быть очень различным, нелогично требовать от человека, говорящего на иностранном языке, того, чего и носитель не умеет. В условиях преподавания иностранных языков можно, в принципе, принимать упрощенный вариант определения нормы: норма – это набор правил и информация, содержащаяся в учебниках, грамматических справочниках и словарях. Следует однако, учитывать, что в наше время преподавание иностранных языков все меньше и меньше происходит в замкнутом пространстве, без контактов с носителями языка, просмотров художественных фильмов, чтения книг и поездок в страну изучаемого языка. Поэтому обучаемые очень рано сталкиваются с тем, что реальная языковая норма бывает очень подвижной и не соответствующей требованиям кодификаторов. Однако отклонения носителей языка остаются в рамках языковой системы, встраиваются в имеющиеся парадигмы. Наоборот, высказывания не-носителя языка могут нарушать нормы настолько, что это выходит за рамки системы.

Таким образом выделяется девиатология как определенное направление в когнитологии. Его объект – как преднамеренные, так и случайные отклонения от норм в самых разных отраслях человеческой деятельности. Одним из подразделений девиатологии является языковая девиатология, включающая изучение:

- 1) запланированных отклонений от нормы, таких, как:

- авторские неологизмы;
 - каламбуры, игра слов;
 - стилистические тропы;
- 2) незапланированных отклонений от нормы, таких как:
- ляпсусы, или оговорки, описки ;
 - речевые ошибки.

Данная классификация отклонений подходит как для ошибок в родном языке, так и для ошибок в иностранном. Речевые ошибки в Я1, которых теоретически не должно быть - предмет учебников по «культуре речи». Ошибки в Я2 составляют предмет межъязыковой девиатологии. В Я2 случаев осознанного отклонения от норм мало, они бывают лишь на очень высоком уровне владения языком. В Я1 и, тем более, в Я2 трудно разграничить ошибки и оговорки, потому что осознанность правил – тоже континуум: правило можно знать с большей или меньшей уверенностью, но можно и забыть его. К тому же, в условиях говорения (или письма, особенно на экзамене) важную роль играет фактор времени – обучаемый не имеет возможности за короткий миг проконтролировать выполнение всех правил, отвечающих за речепроизводство на иностранном языке. Поэтому ошибки появляются тогда, когда студент:

- говоря нечто, думает, что он прав;
- говоря нечто, сомневается, что прав (возможно, он сопроводит свои слова глоссой «А можно так сказать?») или – на письме – закавычит выбранный вариант);
- говоря нечто, знает, что неправ, но не знает, как правильно;
- не знает, как выразить свою мысль, поэтому применяет стратегию преодоления трудностей (редуцирование, компенсирование, припоминание).

Наше практическое исследование посвящено ошибкам носителей русского языка во французском языке, в основном на этапе письменного речепроизводства. Нами была составлена подробная типология (более 500 категорий) этих ошибок, нацеленная на то, чтобы попытаться объяснить причины возникновения этих ошибок и дать ответ на вопрос о мере влияния родного языка на процессы освоения и использования иностранного языка.

Количественное распределение ошибок носителей русского языка во французском можно увидеть на следующей схеме (Рис. 1):

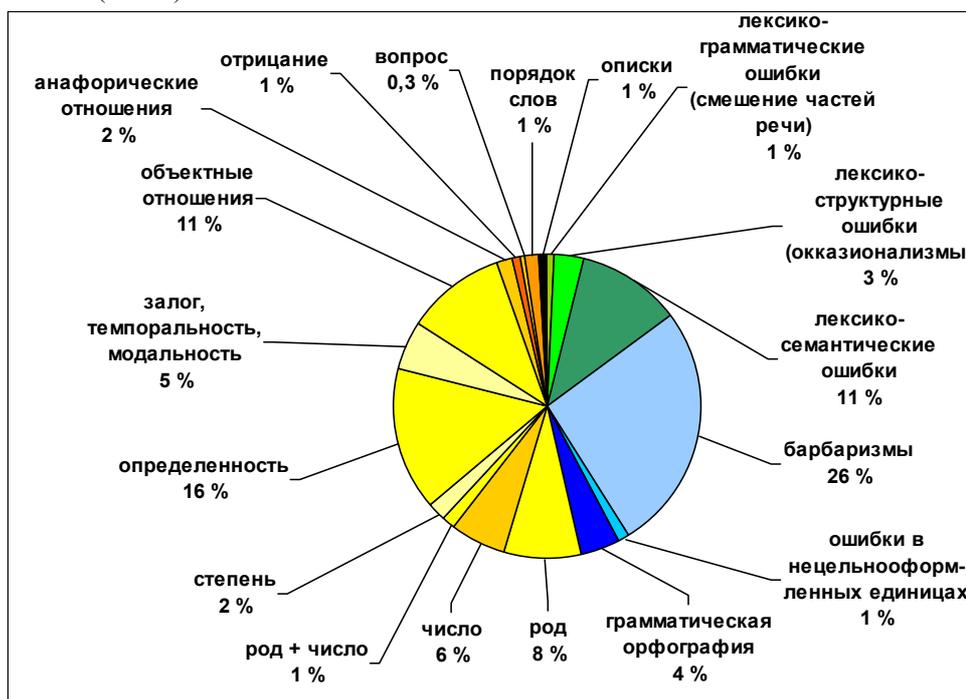

Рис 1. Распределение типов ошибок

Выделенные типы не исключают друг друга, в одной лексеме могут одновременно встретиться ошибки нескольких типов – орфографические, грамматические, лексические. Большое количество ошибок того или иного типа не обязательно означает, что данный аспект языка дается русским студентам с особым трудом. Объективная оценка частотности ошибок была бы возможна только при ее сравнении с частотностью этих явлений во французском языке и/или с частотностью правильных употреблений обучаемыми тех или иных элементов языка. Наконец, та или иная ошибка не всегда может быть интерпретирована однозначно: ошибочная словоформа может возникнуть в результате смещения графем (орфографическая ошибка), различных категорий лексем (например притяжательное vs указательное местоимение) или даже лексем (в случае омофонии). Ошибка в оформлении валентных отношений может быть расценена как с точки зрения грамматики, так и с точки зрения лексики и т.д. И тем не менее можно сделать следующие выводы: парадигматические ошибки представляют 15 %

от общего количества, синтагматические формальные ошибки – 31 %, а синтагматические функциональные ошибки – 53 %, что составляет больше половины всех типов ошибок. Если объединить окказионализмы, ошибки в лексической орфографии и собственно лексико-семантические ошибки, оказывается, что 40 % всех ошибок так или иначе имеют отношение к лексике.

Русский язык (а также английский, как другой язык, изучаемый студентами) может не влиять, влиять положительно или отрицательно на изучение французского. К особенностям русского языка, положительно влияющих на процесс изучения французского можно отнести:

- существование в русском языке полноценного спряжения глагола: в отличие от носителей английского языка, не привыкших спрягать глаголы по лицам, носителем русского не составляет труда быстро привыкнуть к тому, что окончания глаголов разнятся для каждого лица;

- наличие зависимых (словоизменительных) категорий рода и числа в разряде прилагательных;

- наличие в русском языке огромного количества галлицизмов. Это не только интернациональные слова, но и большое количество «верных друзей», межъязыковых синонимов, которых в целом больше, чем «ложных». В большинстве случаев знание этих слов помогает и в выборе правильной орфографии;

- в области синтаксиса большое количество идиоматических выражений, калькированных в свое время русским языком из французского.

Отрицательное влияние русского языка на французский проявилось именно в ошибках.

В области лексики влияние русского языка было замечено не столько в наличии между этими языками некоторого количества «ложных друзей», сколько в том, что одной французской лексеме приписывается значение, которого она не имеет, будучи эквивалентом другого значения «исходной» русской лексемы – той, которую студент желает выразить.

Также замечено, что калек с русского языка существенно больше, чем простых заимствований или «новообразований» – неологизмов, созданных студентами для преодоления своих коммуникативных затруднений. Калькироваться могут слова, словосочетания, целые синтаксические единицы.

Из-за омонимии кратких форм прилагательного и наречия в русском языке, нередко случаи неоправданной замены одного другим во французском.

Неправильное произношение («русский акцент») может спровоцировать появление орфографических ошибок. Из-за русского орфографического облика межъязыковых паронимов допускаются ошибки в выборе варианта графемы для отображения носовых звуков, а также удвоенных согласных.

В области морфосинтаксиса русский язык влияет на ошибочный выбор категории женского рода существительных вместо категории мужского рода, на выбор категории числа для тех существительных, для которых эта категория классификационная, а не словоизменительная, или в тех ситуациях, когда русский эквивалент употребляется в форме другого числа. В области согласования ошибки возникают из-за того, что студент согласует французскую форму в грамматическом роде и числе с референтом, который он «держит в уме» (с грамматическими характеристиками русской лексемы). Для причастий в «сложных» временах и ПП часто применяются правила русского, а не французского языка. Русский язык влияет на появление ошибок в безличных выражениях (с местоимениями *on* и *il*), в сравнительных и превосходных степенях прилагательных и наречий, на выбор детерминатива (не-артикля), а также на выбор залога глагола (местоименный / неместоименный глагол), относительного местоимения в зависимой части предложения.

Отсутствие такого явления, как «согласование времен» (*concordance des temps*) в русском языке также приводит к тому, что студент производит выбор временной формы глагола согласно принципам видо-временных соответствий родного языка, если «согласование времен» не очень хорошо закрепилось в его межъязычии. Чаще неправильно, чем правильно он выбирает временную форму глагола после союза *si*.

В ситуациях типа «X управляет Y» носитель русского языка склоняется к применению во французском словосочетании того предлога, который он считает эквивалентом русского.

Русский язык сильно влияет на французский в области порядка слов и выражений коммуникативных аспектов предложений, особенно в отрицательных предложениях. Студент нередко калькирует русские порядок слов и строй предложения.

Мы придерживаемся той точки зрения, что можно выявить влияние родного языка даже тогда, когда природные носители различных языков допускают одну и ту же ошибку в иностранном языке. Это не обязательно означает, что причина ошибки только внутриязыковая. Типологически и структурно различные Я1 могут иногда одинаково проявляться в иностранном языке, например, если категория, в которой допускается ошибка, в них отсутствует. В тех случаях, когда ошибка допущена всеми иностранцами, изучающими данный язык, их родной язык проявляется в том, в каком виде выявляется ошибка, именно какой словоформой или конструкцией, калькированной со своего родного языка, она заменит правильную.

Литература

1. Амнуэль П. Странник // <http://lib.ru/AMNUEL/wanderer.txt>.
2. Бацевич Ф. Теоретические аспекты коммуникативной девиатологии (на материале русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность / Междунар. конгресс исследователей рус. яз. М., 2001.
3. Бурденюк Г. М., Григорьевский В. М. Языковая интерференция и методы ее выявления. Кишинев: Штиинца, 1978.
4. Эйгер Г. В. Механизм контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990

5. Королева М. А. Психолингвистический анализ речевых автоматизмов (На материале речевых ошибок): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
6. Красиков Ю. В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М., 1980;
7. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
8. Марьянович А. Т., Князькин И. Т. Новая Эпратология, или как получить ученую степень. СПб.: ДЕАН, 2005.
9. Никитин М. В. Членение семиотического акта и задачи семиотической дефектологии // Проблемы обучения иностранным языкам. Владимир, 1962.
10. Перевод и сопоставительная лингвистика. Екатеринбург: Урал. гум. ин-т, 2004. № 1.
11. Перевод и сопоставительная лингвистика. Екатеринбург: Урал. гум. ин-т, 2005. № 2.
12. Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации: опыт анализа // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / Отв. ред. С. А. Шубик. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. С. 329-336.
13. Шевнин А. Б. Эпратология, и межъязыковая коммуникация. Вестн. ВГУ, 2004. № 2.
14. Bouyon-Penin C., Coïaniz A. Contribution à une étude des fautes, niveau avancé // Travaux de didactique du français langue étrangère. 1979. № 3 CFP Université de Montpellier III.
15. Coïaniz A. La «faute» dans l'enseignement du FLE // Travaux de didactique du français langue étrangère. CFP Université de Montpellier III. 1979. № 3.
16. Corder P. The significance of learners' errors // IRAL. 1967. № 5.
17. Doca G. Analyse psycholinguistique des erreurs faites lors de l'apprentissage d'une langue étrangère. P.; Bucarest. 1981
18. Fehlerkunde: Beiträge zur Fehleranalyse, Fehlerbewertung und Fehlertherapie/ Hrsg. G. Nickel. Berlin, 1972.
19. Fervers H. Fehlerlinguistik und Zweitsprachenerwerb. Wie Französer Deutsch lernen. Genève: Droz, 1983.
20. Nickel G. Aspects of error evaluation and grading // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973.
21. Reason J. L'erreur humaine. P.: PUF, 1993.